

Кондараки Василий Христофорович

В память столетия Крыма

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В19

В19 **Василий Христофорович К.**
В память столетия Крыма / Кондараки Василий Христофорович – М.: Книга
по Требованию, 2026. – 461 с.

ISBN 978-5-519-90086-7

ISBN 978-5-519-90086-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

на которомъ, еле прикасаясь къ хребту, покоилось бѣлое облако. Гора эта кажется отсюда игрушкою, но она, судя потому что соприкасается съ облаками, должна быть очень высока.

Около 11 часовъ прислать за нами комендантъ казака съ просьбою пожаловать къ нему на обѣдъ и маленькую асамблею, по случаю его тезоименитства. Мы очень обрадовались этому, потому что въ продолженіи послѣднихъ 10—12 дней ни разу не обѣдали, какъ приличествовало.

У Федора Ивановича мы застали любимѣйшаго камердинера императрицы Захара Константиновича Зотова, которому государыня пожаловала въ Крыму землю. Онъ былъ грекъ по происхожденію, но держалъ себя какъ истый дворянинъ съ княжескими манерами безъ чванства и гордости и повидимому ужасно тяготился излишними учтивостями коменданта. Не смотря на то, что Зотовъ былъ далеко не представительной наружности, смуглый съ огромнымъ ртомъ и большимъ носомъ, но онъ съ перваго взгляда очень понравился мнѣ своею рѣчью и скромностію. Онъ благоговѣлъ повидимому предъ умомъ императрицы и, не хвастаясь, рассказывалъ, что ея величество никогда не брезгала даже съ нимъ совѣтываться по государственнымъ дѣламъ, если около нея не находилось никого. Съ свѣтлѣйшимъ Потемкинымъ онъ состоялъ просто въ дружественныхъ отношеніяхъ, хотя тотъ и называлъ его Захаркою, но графа Зубова и другихъ фаворитовъ считалъ не достойными расположенности государыни. Что Захаръ Константиновичъ пользовался большимъ почетомъ, это видно было съ какимъ онъ указомъ ѣхалъ и какъ его принимали всѣ власти по городамъ, гдѣ онъ останавливался на отдыхъ. Кромѣ Зотова мы застали у г. Фоки мѣстнаго капитанъ-исправника секундъ-маіора Сеитъ-агу, успѣвшаго выучиться кое-какъ объясняться по русски. У него было большое имѣніе не вдали отъ Перекопа на морскомъ берегу, изобилующее морскими и степными птицами. Этотъ ага убѣдительно просилъ насъ всѣхъ пріѣхать къ нему поохотиться и взглянуть на его татарское хозяйство. Комендантъ наотрѣзъ объявилъ, что при всемъ

желаніи своемъ угодить ему онъ не вправѣ отлучиться изъ города, въ который ежедневно почти пріѣзжаютъ начальствующія лица, но Зотовъ и я охотно изъявили согласіе провести въ имѣніи его одни сутки. Обрадованный Сеитъ-ага немедленно отправилъ нарочнаго тарарина съ извѣстіемъ домой, чтобы все было приготовлено къ нашему приему.

Федоръ Ивановичъ безпощадно накормилъ насъ разными блюдами изъ вкусной крымской баранины и зайцевъ, которыхъ здѣсь ужасная гибель и которыхъ ловятъ на бѣгу борзыми собаками. У коменданта этихъ собакъ нѣсколько. По его словамъ они очень нѣжны и не выдерживаютъ зимнихъ холодовъ на дворѣ, а должны содержаться въ теплыхъ хатахъ и не съ избыткомъ кормиться, иначе не могутъ настигать дичь. Всѣмъ имъ онъ далъ громкія имена въ родѣ молніи, искры, аквилона и т. п. и цѣнитъ наравнѣ съ стоимостію лучшихъ лошадей, хотя самъ, по личному сознанію, никогда не выѣзжалъ съ ними на ловлю и не знаетъ ихъ достоинствъ.

У коменданта было на столѣ въ большомъ изобиліи малороссійская настойка, которую онъ выписывалъ безпрестанно, но гораздо больше мѣстнаго варенаго и не варенаго вина. Зотову, какъ знатоку винъ, оно очень понравилось.

— Я вѣдь владѣлецъ виноградника въ Судакѣ—скажетъ онъ и отнынѣ буду имѣть свое собственное вино для угощенія друзей.

— Но вочто вамъ обойдется доставка его въ Петербургъ? спросилъ Федоръ Ивановичъ.

— Не всегда-же мнѣ жить въ Петербургѣ—отвѣчала онъ—придется подъ старость поселиться и въ своей конурѣ. Въ этихъ мысляхъ я нарочно и ѣду теперь въ Судакъ, чтобы осмотрѣть мой уголокъ и приготовить себѣ хоть небольшой домикъ.

— А какъ долго вы намѣрены прожить въ Судакахъ? спросилъ Чорный.

— Полагаю дней 25-ть, а можетъ и больше.

— Если мы успѣемъ, то заѣдемъ къ вамъ. Вѣдь это кажется не далеко отъ Кафы, куда я обязанъ заѣхать для опредѣленія ея географическаго положенія.

— Вы доставите мнѣ этимъ большее одолженіе—сказалъ Захаръ Константиновичъ—и я буду съ нетерпѣніемъ ожидать васъ.

Часъ спустя къ коменданту начали являться партіи чумаковъ за правомъ выѣзда за городскіе ворота. Я узналъ, что всѣ они прибыли сюда за солью, которая добывается въ огромныхъ размѣрахъ изъ сосѣднихъ озеръ. Видъ ихъ былъ ужасный: оборванные, въ дегтѣ, безъ шапокъ, съ никогда не чесанными волосами.

— Неужели всѣ русскіе мужики похожи на нихъ? спросилъ у меня капитанъ-исправникъ съ нѣкоторымъ презрѣніемъ.

— Боже сохрани—отвѣчалъ я и старался убѣдить его, что это люди особеннаго рода, неимѣющіе никакого сходства съ настоящими русаками.

Понялъ-ли Сеить-ага все сказанное мною или нѣтъ, но мнѣ кажется, что онъ нисколько не измѣнилъ своего понятія о нашемъ народѣ. А жаль право, если всѣ татары думаютъ о нашемъ сходствѣ въ образѣ жизни съ чумаками.

Комендантъ предварительно выдачи одного общаго билета на 30-ть воловыхъ подводъ, подозвалъ къ себѣ старшаго возницу и началъ убѣждать его, чтобы на слѣдующій разъ, когда онъ пріѣдитъ въ Перекопъ, привезъ хоть съ десятокъ вдовъ и взрослыхъ сиротъ дѣвушекъ для выдачи здѣсь замужъ, такъ какъ многимъ хотѣлось бы жениться, да некого брать.

Чумаки добродушно улыкнулись и вѣроятно, чтобы не терять напрасно времени въ переговорахъ, общалъ поискать, желающихъ переселиться въ Крымъ.

— Вы всѣ мнѣ отвѣчаете общаніемъ—сказалъ Федоръ Ивановичъ—а между тѣмъ ни одной бабы не привезли,—точно мы нехристы, а не братья вамъ!

— Нехристы или бусурманы мы не вѣдаемъ сего, только врядъ-ли наши вдовы и дочки сами придутъ искать сюда жениховъ—сказали чумаки, выходя со двора.

— Ужасные скоты—обратился къ намъ комендантъ—никакъ не убѣдишь ихъ, что мы православные и крайне нуждаемся въ женской прислугѣ, а къ этому вдобавокъ у меня есть сотня человѣкъ, которые только и бредятъ

женитьбою. Не отпускать-же мнѣ ихъ на родину за тысячу верстъ, чтобы привезти себѣ женъ.

2.

На слѣдующій день Захаръ Константиновичъ заѣхалъ за мною въ коляскѣ, запряженной четверкою татарскихъ лошадей и мы, захвативъ съ собой Сеить-агу, выѣхали въ гладкую степь, показавшуюся мнѣ съ перваго взгляда безжизненною и какъ-бы сожженною палящими лучами солнца. Изъ нѣдръ земли выходилъ какой-то прозрачный паръ, за дрожаніемъ котораго не трудно было наблюдать простымъ глазомъ. Этотъ живой эфиръ имѣлъ свойство на далекомъ растояніи измѣнять обыкновенные предметы въ гигантскія формы, т. е. мельницы обращались въ дворцы съ башнями, а стоги сѣна въ чудовищной величины деревья *). Сеить-ага во все время не переставалъ курить изъ длиннаго чубука своего, такой крѣпкій табакъ, что я и Зотовъ безпрестанно кашляли. Къ этому вдобавокъ изъ подъ лошадиныхъ копытъ подымалась чрезвычайно тонкая горьковатая пыль, которая проникала въ ротъ и ноздри и заставляла насъ чихать.

Къ счастью неудобства эти не долго продолжались. Около полудня предъ нами на горизонтѣ вновь показались волшебные замки съ лѣсами и озерами, а правѣ растилалось море одинакаго цвѣта съ небомъ.

— Вотъ это моя деревня—сказалъ капитанъ-исправникъ.

— Да вы повидимому владѣете прелестнымъ мѣстомъ—замѣтилъ Захаръ Константиновичъ.

— Земля не дурная—продолжалъ мурза—когда Богъ даетъ дожди, а въ засуху не особенно пріятно.

Полъ-часа спустя мы подъѣхали къ небольшой деревушкѣ, гдѣ не видѣли ни одной постройки, отличающейся отъ прочихъ величиною или архитектурою. Взаключеніе коляска наша подкатила къ низенькому домику, показавшемуся намъ снаружи жалкою избою. Дворъ былъ загаженъ навозомъ и сорными травами. Въ одной части

*) Надо полагать, что здѣсь рѣчь идетъ о миражахъ.

его шель длинный открытый спереди навѣсъ для скота, въ другомъ торчали правильно сложенные скирды кизяку или кирпича изъ животнаго помета, а между ними укрѣплено было на подставахъ въ горизонтальномъ положеніи бревно съ желѣзными кольцами для привязи лошадей. Все остальное пространство двора наполнено было стадами черныхъ, сѣрыхъ и бѣлыхъ индюковъ, оглашавшихъ воздухъ неприятными криками. Все это мнѣ ужасно не понравилось и я воображалъ встрѣтить ту же нечистоту и беспорядокъ внутри покоевъ Сеить-аги. Къ намъ на встрѣчу выбѣжало человекъ десять татаръ полумонгольскаго типа въ безобразныхъ рыжихъ баранкахъ, въ ситцевыхъ курткахъ, изъ подъ короткихъ рукавовъ которыхъ выпускались широкіе рукава бѣлыхъ рубахъ отмѣнной чистоты. Чистота ихъ сорочекъ изумила меня, когда я вспомнилъ про чумаковъ нашихъ, испещренныхъ дѣтмемъ и безъ сомнѣнія перемѣняющихъ бѣлье однажды въ годъ. Всѣ эти татары почтительно приложили руку къ сердцу и одновременно тихимъ голосомъ произнесли привѣтствіе.

Намъ пришлось вступать въ жилище мурзы чрезъ такія низенькія двери, что я долженъ былъ согнуться въ дугу. Изъ большихъ продольныхъ сѣней, съ противоположнымъ выходомъ на гаремный дворъ, мы вошли въ правую дверцу и очутились въ огромной комнатѣ такъ красиво и богато убранной парчею, бархатомъ, сукномъ и дорогими коврами, что не вѣрили глазамъ. Все здѣсь содержалось въ изумительной чистотѣ. Въ одномъ углу я замѣтилъ болѣе дюжины длинныхъ черешневыхъ чубуковъ съ янтарными мундштуками, а въ другомъ цѣлый арсеналъ ружей, сабель и разныхъ другихъ боевыхъ снарядовъ.

— Все это вѣроятно вамъ досталось отъ дѣдовъ? спросилъ я у хозяина послѣ того, когда мы расположились на удобныя софы съ выбивными бархатными подушками.

— Мой отецъ былъ большой охотникъ собирать оружіе—отвѣчалъ Сеить-ага—а я признаться мало интересуюсь этимъ дѣломъ въ особенности съ того времени, какъ служу каймаканомъ перекопскаго кадылыка.

— Скажите пожалуйста, а вы служили при послѣднемъ ханѣ? спросилъ Зотовъ.

— Какъ-бы вамъ отвѣтить на это получше: видители у Шагинъ-гирея были не многіе на службѣ и притомъ мурзы на служащихъ внутри ханства, смотрѣли какъ на слугъ народа. Исключеніемъ пользовалась только центральная власть въ Бахчисараѣ. При теперешнемъ-же господствѣ намъ не стыдно служить, потому что мы являемся не слугами, а своего рода повелителями. Сказавъ это, мурза самодовольно улыбнулся.

— И не советѣмъ васъ понять—сказалъ Захаръ Константиновичъ—какъ это вы были прежде слугами, а теперь повелителями?

— А вотъ какъ: въ ханское время ни одинъ каймаканъ или кадій не смѣлъ вѣхаться ко мнѣ во дворъ и потребовать чего-либо, потому что мы, мурзы, сейчасъ ополчились-бы противъ него, а теперь и самые почетнѣйшіе беи безсловесно исполняютъ мои приказанія. Къ этому добавьте еще, что прежде малѣйшая несправедливость или ошибка со стороны каймакана дѣлалась извѣстной хану и наказывалась общимъ упрекомъ, а теперь я ничего этого не боюсь и поступаю, какъ мнѣ заблагоразсудится.

— А выгодно-ли ваша должность въ матеріальномъ отношеніи? спросилъ я.

— Благодаря Бога нельзя жаловаться: всякій имѣющій дѣло, считаетъ за обязанность самое малое подарить овцу и еслибъ я почему либо отказался отъ принятія, то эти люди навѣрно оскорбятся и уйдутъ, не передавъ даже горя или нужды своей. Кромѣ этого я получаю жалованье отъ правительства и пользуюсь дружбою начальства.

— А всѣ-ли довольны вашимъ начальникомъ области?

— Нашъ начальникъ самый умнѣйшій и честнѣйшій человекъ. Съ такими баярами *) чувствуешь удовольствіе служить.

Захаръ Константиновичъ всего больше интересовался знать о порядкахъ и образѣ жизни при ханѣ, котораго раза два видѣлъ и считалъ довольно энергичнымъ чело-

*) Баяръ татарское слово, означаетъ въ переводѣ богатого почетнаго человека. Нѣтъ сомнѣнія, что мы создали отъ него слово бояринъ.

вѣкомъ. Разговоръ о Шагинъ-гиреѣ у насъ начался, какъ только подали кофе и трубки. Ни я, ни Зотовъ не были привычны къ куренію табака, но, чтобы не оскорбить хозяина, вооружились длинными чубуками, изъ которыхъ съ трудомъ вытягивали дымъ.

— Правду говоря намъ не слѣдуетъ говорить о гиреѣ—отвѣчалъ Сеить-ага — это была злая собака, которая безпощадно относилась къ религіи, обычаямъ старины и лучшимъ представителямъ народа. Надѣясь на царицу Екатерину, онъ забылъ свое человѣческое происхожденіе и превратился въ какое-то озлобленное существо и возненавидѣлъ всѣхъ, кто дерзалъ противорѣчить ему.

— А часто вы бывали у него?

— Бывалъ, но не охотно, потому что онъ не умѣлъ обходиться съ нами и употреблялъ всѣ усилія уменьшить наше вліяніе на народъ.

На всѣ дальнѣйшіе вопросы Зотова ага отвѣчалъ такъ уклончиво, что Захаръ Константиновичъ вынужденъ былъ отложить свое любопытство.

Вслѣдъ за кофеемъ слуга внесъ въ комнату табуретъ, весь почти выложенный перламутромъ и, опрокинувъ его ногами вверхъ, поставилъ предъ нами. На табуретъ поставленъ былъ другимъ слугою большой мѣдный подносъ, установленный покрайней мѣрѣ 20-ю также мѣдными глубокими тарелками съ жареными курами, бараниною, свѣжимъ масломъ, творогомъ, яичницею и т. п. явствами. Въ добавокъ къ этому Сеить-ага досталъ своеручно изъ шкафика, устроеннаго въ стѣнѣ, бутылку наливки, которою его снабжалъ постоянно перекопскій комендантъ. Словомъ мы приглашены были къ настоящему завтраку съ предупрежденіемъ, что татары обѣдаютъ вечеромъ.

За ѣдою мы много кое-чего узнали отъ капитанъ-исправника, относительно принятыхъ княземъ Потемкинымъ мѣръ для блага Крыма и въ числѣ прочаго то, что Акмечеть только съ прошлаго года сдѣлался резиденціею правителя области, имѣвшаго раньше пребываніе въ Карасубазарѣ.

Сеить-ага вообще показался намъ очень разумнымъ

человѣкомъ. При Шагинъ-гиреѣ онъ считался командиромъ отряда милиціи, вслѣдствіе чего не обиженъ былъ при переходѣ и въ наше подданство.

Послѣ отдыха на удобныхъ софахъ, мы ѣздили на двух-колесной арбѣ на охоту за дрохвами и стрепетами, которыхъ здѣсь ужасное множество, но не иначе допускаютъ охотника, какъ укрывающагося въ телѣжкѣ. Намъ удавалось два раза подѣзжать къ нимъ шаговъ на 40 и въ оба раза убить по одной штукѣ. Затѣмъ мы направились къ морскому берегу, гдѣ набрали въ непродолжительномъ времени десятка четыре хорошихъ лебединыхъ и гусиныхъ перьевъ, которыхъ Зотовъ пожелалъ отвести въ Петербургъ, чтобы поднести Императрицѣ въ даръ отъ пернатыхъ вновь завоеванной страны.

Проѣхавъ до 6-ти часовъ по степи, принадлежавшей каймакану, я убѣдился, что здѣсь очень не многіе занимаются хлѣбопашествомъ и сѣнокосами, а предпочитаютъ скотоводство. Во всей степи куда я не бросалъ взоры, вездѣ видѣлись коровы, лошади и значительные шматки овецъ съ круглыми хвостами. Ясно, что и Крымскіе татары не на много опередили своихъ соплеменниковъ калмыковъ и киргизовъ.

У Сеитъ-аги мы застали нѣсколько сосѣднихъ мурзъ въ грубыхъ нарядахъ, но, повидимому пользующихся почетомъ. Всѣ они сидѣли на софахъ съ поджатыми ногами, но когда мы вошли въ комнату, поднялись и отвѣчали на наше привѣтствіе. Сеитъ-ага что-то сказалъ имъ, указывая на Захара Константиновича. Гости вторично приложили руки къ сердцу и поинтересовались узнать о здоровьи императрицы и ея семейства. Зотовъ отвѣчалъ, что государыня собирается навѣстить Крымъ, какъ только страна нѣсколько оправится послѣ многолѣтнихъ неурядицъ и какъ только сама освободится отъ важныхъ государственныхъ дѣлъ.

Новые пріятели наши оказались ужасными говорунами, но къ сожалѣнію мы не знали ни единого слова на ихъ нарѣчій и довольствовались отрывками которые переводилъ намъ съ грѣхомъ по поламъ нашъ, или скорѣе ихъ, капитанъ-исправникъ.

По общему согласію постановлено было обѣдать на

дворѣ. Я рѣшительно не могъ сообразить какъ это учинится безъ стола и стульевъ, но дѣло совершилось очень просто: положили большой войлокъ съ твердыми подушками вокругъ табурета съ мѣднымъ подносомъ и предложили намъ садиться. Предъ каждымъ лежала деревянная ложка и кусокъ хлѣба, а посерединѣ подноса большая мѣдная чашка съ жирнымъ рисовымъ супомъ и кусками мяса. Всѣ должны были черпать изъ нея. Тарелокъ, вилокъ и ножей не было. Мы переглянулись съ Зотовымъ и рѣшились подражать татарамъ. Однако до начала обѣда намъ подали посуду для мытія рукъ, что не показалось намъ лишнимъ въ виду того, что приходилось ѣсть пальцами.

Обѣдъ нашъ состоялъ ровно изъ 20-ти блюдъ большею частью однообразныхъ. Здѣсь впервые я отвѣдалъ верблюжье сладкое мясо и колбасы изъ конины, но ни то, ни другое мнѣ не понравилось вѣроятно отъ не привычки. Мы также не охотно пили кислый шербетъ, послѣ котораго ужасно рыгалось мурзамъ. Всего болѣе мнѣ доставляла удовольствіе вечерняя деревенская картина съ возвратившеюся изъ степи скотиною и бѣгавшими за ними татарами. Тысячи барановъ блеяли какъ-бы отъ радости, что идутъ на покой; волы вскакивали на курганы предъ хатами, разбрасывали ногами золу и оглушали вечернюю тишину дикимъ ревомъ; козы карабкались на ограды, хаты, скирды сѣна и кучи соломы. Среди всего этого блистала огонекъ кузнеца-дыгана, прикрытаго сверху дюрявымъ войлокомъ и окруженаго десяткомъ такихъ-же какъ и онъ оборванныхъ и растрепанныхъ женщинъ и ребятишекъ. Но во всемъ этомъ чего-то не доставало, чтобы оживить вполне мои чувства. Проще Крымъ мнѣ показался не нашимъ по духу: что-то мертвое, что-то скучное и дикое выглядывало изъ его степей и жилищъ.

Было 8 часовъ, когда мы вновь сѣли въ коляску и, пользуясь луннымъ свѣтомъ и прохладою, выѣхали обратно въ Перекопъ. Академикъ Чорный еще не думалъ спать, когда мы вошли въ избушку его и начали описывать испытанное.

— А я признаться побаивался, чтобы васъ не отпра-

вили татаре въ Стамбуль въ качествѣ плѣнныхъ—сказаль онъ, улыбаясь отъ удовольствія вновь увидѣть меня около себя.

На другой день я узналъ, что Федоръ Степановичъ опредѣлилъ широту Перекопа по меридіану подъ 45° 39' и собирается переѣхать въ Гезлевъ или Козловъ, какъ называютъ этотъ городъ наши офицеры и чиновники.

— Ну пойдѣмъ откланяться коменданту — сказалъ онъ—и попросимъ, чтобы онъ отправилъ насъ дальше.

Федоръ Ивановичъ Фока началъ упрашивать насъ остаться у него еще хотъ на одну асамблею, по случаю предстоящихъ именинъ его супруги, но видя безуспѣшность ходатайства, настоялъ на томъ, чтобы мы, хотъ на прощанье, пообѣдали съ нимъ. За эту ласку Чорный снабдилъ его двумя карандашами и кускомъ туши, въ которой очень нуждался комендантъ и, не смотря на многократные заказы привезти ихъ изъ Россіи, курьеры, чрезъ посредство которыхъ пересылались письма и пакеты, или не находили въ продажѣ или забывали.

3.

Отъ Перекопа до Козлова (Евпаторіи) мы ѣхали два дня и половину ночи, хотъ разстояніе это можно проѣхать въ одни сутки. На этомъ пространствѣ всего болѣе остановило наше вниманіе Сакское соляное озеро, гладкое какъ зеркало и окаймленное во всей окружности точно бѣлыми кружевами, осѣвшею солью. Не видѣвши раньше соляныхъ озеръ, я представлялъ себѣ, что вся озерная вода испаряется, но теперъ увидѣлъ, что вода остается въ центрѣ, а кристаллизація происходитъ только у береговъ. Мы подъѣхали къ самому озеру къ нѣсколькимъ подводамъ, на которыя накладывали татаре наломанную ими для своихъ надобностей соль. Это дѣлали они кускомъ желѣза безъ особенныхъ усилій. Немного дальше товарищи ихъ валялись, вѣроятно отъ нечего дѣлать, въ черной прибрежной маслянистой грязи *) и потомъ споласкивались въ озерной водѣ. Мы

*) Туземцы Крыма издавна знали цѣлебное свойство грязей при соляныхъ озерахъ.